

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РККА НЕРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920-Е – 1941 ГГ.)

А.Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ
119330, Россия, Москва, Университетский пр-т, 14
besu111@yandex.ru

В статье рассматривается проблема низкого уровня владения русским языком красноармейцами из союзных и автономных республик СССР, массово поступавшими на укомплектование частей Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) накануне войны. насыщение этим контингентом приграничных военных округов существенно сказывалось на боеспособности воинских частей, поскольку затрудняло обучение личного состава. Экстренные меры, предпринятые правительством и военным командованием в предвоенные годы, оказались малоэффективными из-за выявившейся сложности и масштабности проблемы, что не могло не сказаться на боеспособности войск в первый период Великой Отечественной войны и потребовало крупных организационных изменений в военном строительстве, в частности, возврата к мононациональному комплектованию частей (национальным формированиям), которое перед войной признавалось бесперспективным.

Ключевые слова: нерусские национальности, национальные формирования, коренизация, обучение русскому языку, Рабоче-Крестьянская Красная армия, И.В. Сталин

Введение

Воинское обучение и воспитание – сложный и многогранный процесс, требующий максимального взаимопонимания командира и бойца. В боевой обстановке значение этого фактора лишь усиливается в интересах успешного управления, взаимодействия, командования личным составом. В этом плане возможности простой языковой коммуникации становятся во главу угла. И напротив, отсутствие или недостаток таковой ведут к излишним потерям и препятствуют выполнению боевой задачи и ведут к излишним потерям.

Обзор литературы. В советской историографии языковая проблема в Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны затрагивалась лишь вскользь, как малозначащая. В последние годы глубина проблемы

обозначилась более рельефно благодаря исследованиям таких зарубежных ученых, как Т. Мартин [1], Р.Г. Суни [2, с. 14–40], Д.Л. Бранденбергер [3, с. 336–365], Й. Баберовски [4, с. 309–320] и др. К ряду отечественных исследований относятся работы О.К. Кайкова [5, с. 111–118], Л.Д. Якубова [6, с. 76–85]. Все они посвящены политике коренизации в национальных регионах, прямо влиявших на ситуацию с языковым обучением в национальной школе и использованием русского языка в повседневном общении. Современные исследователи показывают, что во второй половине 1930-х гг. произошел мощный идеологический разворот от интернационализма и курса на мировую революцию к построению автономной социалистической державы. С этим была связана реабилитация русской истории, культуры и языка, ставших новым хребтом новой идеологии. Языковой ситуации в конце 1930-х гг. посвящена статья П.Э. Блитстейна [7, с. 310–335]. Однако отражение этих перемен в военном строительстве пока не изучено историками.

Автор ставит своей целью дать оценку эффективности решения проблемы русского языка в РККА в предвоенные годы, предпринятые советским руководством.

Источниковую основу статьи составили документальные материалы Российского государственного военного архива: фонд Политуправления РККА (Ф. 9), Главного управления РККА (Ф. 54), Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА (Ф. 40442); протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) союзных республик, обкомов и крайкомов ВКП(б), хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории (Ф. 17, оп. 3); опубликованные документы в сборниках по национальной политике [8], партийно-политической работе в РККА [9] и деятельности Военного совета при народном комиссаре обороны [10]; кроме того, в работе использованы материалы документальной коллекции фундаментальной военно-исторической библиотеки Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Ссылки на последний источник даны в краткой форме (без указания номеров фондов, описей и дел), поскольку в статье использованы только копии документов, хранящихся в других архивах.

Коренизация и национальные формирования РККА в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, численность РККА выросла более чем в четыре раза. Этот прирост был обеспечен, в числе прочего, за счет многократного расширения призыва в национальных республиках СССР, где до этого проводился лишь ограниченный набор в армию для укомплектования национальных частей. В последних военное обучение велось на родных языках. В начале 1938 г. национальные части были упразднены, а призыв был распространен на всю призывную молодежь союзных республик

и автономных республик РСФСР. В армию влились сотни тысяч бойцов, слабо понимавших или вовсе не понимавших русскую разговорную речь, что существенно затрудняло и замедляло процесс боевой подготовки частей.

В значительной степени эта ситуация была связана с предыдущей эпохой в истории страны. 1920-е и начало 1930-х гг. пришлись на период политической и культурной эмансипации национальных окраин, выразившейся в государственной политике коренизации, которая заключалась в предоставлении комплексных политических, социальных, культурных преференций коренному населению (отсюда специфические неологизмы – «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед этническими группами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, ими являлись русские. Новая политика стала выражением своего рода покаяния «русской нации перед «угнетенными» царизмом «культурно отсталыми» малыми народами, которые теперь подлежали «освобождению» [4, с. 309–310].

Реализацией политики коренизации в военной сфере стала масштабная программа создания национальных воинских формирований, расцвет которой пришелся на 1920-е – первую половину 1930-х гг. В этот период новобранцы-«националы» распределялись в основном в национальные части, и языковая проблема в этой связи лежала в плоскости поиска оптимального соотношения между родным и русским языками в главных сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и бытовом общении.

Первоначально чаша весов однозначно склонялась в пользу родного языка; предпринимались меры к переводу на местные языки военной терминологии, уставной литературы, пособий и наставлений с тем, чтобы занять родным языком как можно больше вербального пространства военнотружущего-«национала».

Порой меры по национализации казались избыточными для самих бойцов, особенно если они обрусели и частично утратили свою национальную идентичность в виде языка, обычаев и пр. Например, в середине 1920-х гг. политорганы отмечали в Белорусской дивизии «сопротивление белорусизации или, по меньшей мере, пассивность в этом вопросе», вызванное неприятием основной массой бойцов белорусского языка как языка устаревшего, излишнего («нам надо переучиваться, т. к. в школе мы учились русскому языку»; «белорусский язык – мужицкий язык, литература на нем очень бедная, белорусская литература читается очень слабо»)¹. До половины личного состава белорусских частей не владело родным языком. То же самое наблюдалось в немецких частях, особенно среди командного состава².

Если же «националы» распределялись не в национальную, а в обычную, так называемую номерную часть (преимущественно славянскую по национальному составу), командиры, как правило, не располагая возможностью

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 16.

² РГВА Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 29.

организовать их обучение русскому языку, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. В 1927 г. на одном из совещаний заместитель начальника ПУ РККА И.Е. Славин отмечал, что желательно не использовать нерусских бойцов («*всех их*») на хозработах, «*как это обычно водится*» (курсив мой. – А.Б.)¹. Понятно, что такой способ использования национальных контингентов не приносил пользы ни армии, ни бойцу-«националу».

Постепенно задачи универсализации процесса боевой учебы заставили, по крайней мере, сделать языком командования и военного обучения русский. 31 июля 1925 г. было издано специальное постановление Президиума Реввоенсовета СССР «О введении в национальных частях исполнительных команд на русском языке». Но это была довольно узкая сфера общения, не требовавшая от красноармейца глубоких познаний в русском языке. Русский язык преподавался в рамках внешкольной учебы, и результаты такой учебы, как правило, были невысоки. Часто камнем преткновения становились организационные и кадровые вопросы: на внешкольную работу оставалось мало времени, и охват красноармейцев из-за нарядов, работ, полевых занятий был неполным; к преподаванию нередко привлекались случайные люди, не владевшие методикой преподавания языка и к тому же не имевшие необходимых пособий. Что касается мотивации самих красноармейцев-«националов», то, как свидетельствуют документы, тяга их к изучению русского языка была высокой. «Тяга к изучению русского языка больше, чем к родному», – отмечалось в одном из отчетов Политуправления СКВО, обследовавшего Отдельный кавалерийский полк горских национальностей в марте 1926 г.²

Не произошло твердого освоения русского языка командным составом национальных частей, хотя с середины 1920-х гг. оно было обязательным. В одном из материалов Политуправления РККА в 1930 г. отмечалось: «Крайне слабо обстоит дело с изучением командирами-националами русского языка, что создает большие трудности в деле повышения ими своей военной и политической подготовки»³. Тоже можно было сказать и о русских командирах национальных частей, практически не усваивавших местные языки⁴. В ноябре 1937 г. командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев сообщал на Военном совете при НКО, что значительная масса командиров местных национальностей не владела русским языком и не могла самостоятельно работать с уставами и прочей литературой. «Это страшно мешает уровню боевой подготовки, – отмечал он. – Сами посудите: как может [профессионально] расти командир, который не может прочесть устав?» [10, с. 76].

Подготовка и публикация уставов и пособий на местных языках очень затянулась, а в ряде случаев издание не было осуществлено вплоть до самого

¹ РГВА Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.

² РГВА Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 300.

³ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 104.

⁴ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 105.

упразднения национальных формирований в 1938 г. «В отношении пособий, особенно на национальном языке, мы находимся в очень тяжелом положении. Переведенных учебников у нас нет, а националы плохо знают русский язык, средств нет», – подтверждал на том же Военном совете при НКО заместитель командующего САВО комкор О.В. Городовиков¹.

Итак, установлено, что к концу 1930-х гг., несмотря на определенные успехи, проблема языка командования и языка общения в национальных частях РККА до конца не была решена. В то же время ознакомление с большим объемом документов военного ведомства дает основание утверждать, что языковая проблема в военной документации не занимала значительного места; относительно небольшие масштабы призывов мирного времени в республиках СССР, позволявших отбирать в армию только наиболее образованных «националов» и, главное, направление таких призывников для прохождения службы в основном в национальные части (до 1937 г. включительно) не оставляли для ее возникновения серьезной почвы. В предвоенные годы республиканские военкоматы не вели статистики владения русским языком контингентами военнообязанных и призывников.

Развертывание РККА в предвоенные годы и углубление языковой проблемы

Между тем в марте 1938 г. в рамках организационной перестройки и развертывания РККА все национальные части были переформированы в обычные (т.н. «номерные») и был осуществлен переход к экстерриториальному (вне регионов призыва) комплектованию войск личным составом. Нерусским языкам вовсе не осталось места в армии, и от бойцов-«националов» теперь требовалось свободное владение русским языком. В обстановке надвигающейся большой войны и быстрого наращивания численности армии командование и политорганы столкнулись с проблемой массового поступления на укомплектование войск призывной молодежи из республик СССР и национальных регионов РСФСР, среди которой было значительное число лиц, не владевших или слабо владевших русским языком. Массы национальной молодежи теперь вливались в обычные части РККА, где для них вовсе не предусматривалось никаких языковых льгот и послаблений. Национальным языкам не осталось места в армии, и от нерусских бойцов теперь требовалось свободное владение русским языком. Можно утверждать, что в предвоенные годы проблема русского языка стала ключевой в работе политорганов с нерусскими контингентами допризывников и военнослужащих. Пришло тревожное осознание того, что, говоря словами начальника ГлавПУ Л.З. Мехлиса, *«красноармеец, не владеющий русской речью, если он даже со средним образовани-*

¹ РГВА Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 274.

ем, представляет для армии бóльшую трудность, чем совсем неграмотный боец, с которым можно объяснить» (выделено мной. – А.Б.)¹.

Как показывает анализ документов, проблема владения русским языком уроженцами союзных и автономных республик носила системный характер и не могла быть решена «наскоком». До конца 1930-х гг. государственная политика в области изучения русского языка была непоследовательной. В 1920-е гг. в рамках политики коренизации приоритет в национальных школах, безусловно, отдавался родному языку, а русский изучался как второй или даже третий (иностраннй) язык, а где-то не изучался вовсе. Длительное время сам дискурс вокруг необходимости изучения русского языка в национальной школе квалифицировался как проявление «великорусского шовинизма». Коренизация часто достигалась за счет негативной повестки: «элементарной дерусификации, производившей глубокое впечатление на “местных людей”» [11, с. 14]. Этот способ поддержки национальных меньшинств путем подавления культурно-языкового диктата государства известный специалист по истории коренизации в СССР Т. Мартин называет принципом «позитивной дискриминации» [1, с. 31–32]. Специальные кадры преподавателей русского языка для национальных школ не готовились. В связи с этим качество обучения было низким. Как отдельный предмет в нерусских школах русский язык был введен лишь в 1934 г.

В октябре 1937 г. на пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин поставил вопрос об обязательном изучении русского языка в школе. Причем необходимость этого он напрямую связывал с намечаемым «большим актом призыва красноармейцев в армию» и возможностью в дальнейшем маневрировать войсками и людскими ресурсами в интересах государства, «а не отдельных республик» [8, с. 298]. Фактически это было выступление против территориальной системы комплектования войск с его неременной привязкой частей к региону комплектования. Русский язык здесь напрямую связывался с намеченной на 1938 г. экстерриториальностью распределения молодого пополнения и необходимостью изъясняться на едином, понятном всем языке, каковым мог быть только русский. Таким образом, задачи обороны страны, многократного наращивания численности вооруженных сил быстро двигали вперед и решения по изучению нерусской молодежью русского языка.

При ближайшем рассмотрении ситуация с изучением русского языка в национальных республиках оказалась хуже, чем ожидалось. «Справлялись в Наркомпросе, – продолжал на том же пленуме Сталин. – Но ничего ясного мы не могли добиться: где со второго класса начинают изучать русский язык как обязательный предмет, где с третьего, где с четвертого, а где и вовсе не вводили» [8, с. 299].

К февралю 1938 г. масштабы проблемы выяснились. «Русский язык в подавляющем большинстве национальных школ вообще не преподается», – докладывал нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин секретарям ЦК ВКП(б)

---

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

А.А. Андрееву и А.А. Жданову. А в большинстве школ, где русский язык преподавался, «уровень преподавания остается крайне неудовлетворительным и в результате этого успеваемость учащихся – крайне низкой»; а «в организации обучения учащихся нерусских школ русскому языку существует огромный разрыв» при остром недостатке преподавательских кадров [8, с. 347–348]. В атмосфере большого террора легко нашлась причина грандиозного провала в области изучения русского языка. «Буржуазные националисты немало поработали над тем, чтобы вытравить изучение русского языка в национальных республиках», – отмечал в одном из докладов нарком обороны начальник ГлавПУ Л.З. Мехлис¹.

24 января 1938 г. было упразднено большинство национальных школ, объявленных «очагами буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей» [8, с. 298]. А 13 марта 1938 г., спустя несколько дней после решения о расформировании национальных частей РККА, вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик по единой программе. В постановлении была подчеркнута связь этой проблемы с задачами обороны: «Знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы...»². Согласно программе по окончании неполной средней школы (семи классов) ученик должен был свободно владеть русской разговорной речью, чтением и письменностью³.

Однако даже после этого ожидаемого прорыва в освоении русского языка в национальных и автономных республиках не произошло. Несмотря на то, что реализация постановления от 13 марта 1938 г. была на постоянном контроле высшего руководства страны, образовательный процесс оказался слишком громоздким и дорогостоящим для осуществления столь резких поворотов. Нехватка кадров учителей, единых программ, учебных пособий и учебников на десятках языков народов СССР – все это, несмотря на мощный административный нажим Наркомпроса, на многие годы затормозило реальное решение проблемы. Еще в сентябре 1940 г. Наркомпрос констатировал, что издание учебников провалено, а преподавание русского языка во многих школах даже не началось из-за отсутствия педагогов. Квалификация самих учителей из числа «националов» вследствие слабой методической поддержки оставалась крайне низкой [9, с. 320–321].

Вполне осознавая масштаб проблемы, руководство РККА со своей стороны предпринимало определенные усилия по обучению военнотружущих русскому языку непосредственно в войсках, хотя справедливо рассчитывало

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 105–107.

³ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 105–107.

на то, что пополнения должны поступать в войска из республик уже подготовленными в языковом отношении призывниками. Требование обязательного освоения русского языка было сформулировано уже в приказе НКО от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791, объявлявшем о расформировании национальных частей и распределении их личного состава по другим округам. На военные советы округов и начальника Политуправления РККА возлагалась задача организовать при домах Красной армии и клубах специальные группы для командиров и красноармейцев, слабо владевших русским языком, обеспечить их преподавателями и пособиями. На два часа слушатели ежедневно освобождались от других занятий. Изучение русского языка было предписано закончить к 1 января 1939 г.¹

Однако приток военнослужащих, не владевших русским языком, по мере расширения масштаба призывов в союзных республиках только нарастал. Поэтому 3 января 1939 г. была издана директива начальника ПУ РККА «О порядке проведения занятий по общеобразовательной подготовке и изучению русского языка с красноармейцами нерусской национальности». Для бойцов первого года службы нерусской национальности, не владевших русским языком, было предписано в течение трех месяцев выделить 120 учебных часов за счет времени, предназначенного на изучение уставов, спецподготовку и самостоятельное чтение по политзанятиям.

Об экстренности этой меры говорит то, что этой же директивой строжайше запрещалось проводить занятия по ликвидации неграмотности и малограмотности в учебное время, однако для нерусских бойцов было сделано исключение [9, с. 354–365]. Напоминание об особом внимании к изучению русского языка повторилось в директиве Главного управления политической пропаганды в октябре 1940 г. [9, с. 440]. На практике приходилось призывать политработников требуемых национальностей из запаса и расходовать на обучение время, предназначенное для политзанятий².

Военное руководство выражало недовольство работой гражданских органов с допризывниками. 23 мая 1940 г. начальник ГлавПУ армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис писал нарком обороны маршалу С.К. Тимошенко: «Партийные организации национальных республик продолжают относиться беззаботно к тому, какое пополнение они дают Красной армии. Вопросы допризывной подготовки в Средней Азии и Закавказье, со включением в нее изучения русского языка, требуют своего разрешения»³. 26 мая 1940 г. нарком обороны, в свою очередь, обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой «во избежание ненормальностей» предыдущего призыва дать необходимые

¹ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 14.

² Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

³ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

указания об обязательном привлечении к изучению русского языка допризывной молодежи, которая таковым не владеет [8, с. 552]. 6 июля 1940 г. поступило указание Оргбюро ЦК ВКП(б) № 44 обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка» [8, с. 559].

Проверка знаний допризывников 1921–1922 гг. рождения показала весьма тревожную картину: по восьми союзным республикам Средней Азии и Закавказья было выявлено 132,9 тыс. призывников, не владевших или плохо владевших русским языком, из них обученными к концу мая 1940 г. считались 21,9%; 67,9% проходили обучение и 10,2% не начинали его [8, с. 552]. Через месяц, в июне, число не владевших русским языком по тем же республикам было уточнено в сторону увеличения – до 152,7 тыс. человек [8, с. 556–557].

Однако фактически в связи с тем, что обучение во многих местах началось очень поздно, всего за 2–3 месяца до призыва 1940 г., результаты его оказались неудовлетворительными. За это время не удалось подобрать необходимый педагогический состав. От четверти до половины призывников по разным республикам показали неудовлетворительный результат при отправке в войска [8, с. 606]. Количество красноармейцев, весной 1941 г. не владевших русским языком, начальник Главного управления политической пропаганды РККА А.И. Запорожец оценивал в 60 тыс. человек, то есть около 1,5% всего личного состава РККА. Для их обучения армейские политорганы до сих пор не имели программы и учебника [8, с. 619].

По мере того, как напряженность на западных границах СССР нарастала, языковая проблема осознавалась уже как угроза мобилизации в случае начала войны. 23 мая 1940 г. Л.З. Мехлис докладывал наркомму обороны, что в части укомплектования войск политсоставом «в случае мобилизации в этих округах (речь шла о ЗакВО и САВО. – Авт.) могут встретиться трудности из-за отсутствия политсостава запаса, владеющего одновременно русским языком и языками народов Средней Азии и Закавказья»¹. Мехлис считал нужным обратить внимание ЦК компартий республик «на то, что партийный актив этих республик не знает русского языка». На тот момент в ЗакВО и САВО работали специальные курсы, где обучалось «значительное количество» политработников среднеазиатских и закавказских национальностей.

В 1941 г. решено было начинать обучение русскому языку сразу после прохождения приписки допризывников (с января–февраля 1941 г.), а обучение проводить в специальных школах для неграмотных и малограмотных призывников, а также в групповом и индивидуальном порядке – ежедневно по 2–3 часа без отрыва от производства [8, с. 606].

В 1941 г. положение несколько улучшилось, хотя и не удалось наладить полноценного обучения нуждавшихся в нем допризывников. В 1941 г. прово-

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

дился призыв во вновь присоединенных западных областях СССР, и численность контингента, нуждавшегося в обучении русскому языку, существенно выросла. Всего подлежало обучению (включая неграмотных и малограмотных) 626,7 тыс. допризывников, из которых к началу войны было охвачено обучением от 61 до 99% [8, с. 623].

Отдельной и особой проблемой, связанной с языковой интеграцией военнослужащих, стало включение в состав РККА в основном в 1940 г. больших масс призывников, военнообязанных и профессиональных военных со вновь присоединенных к СССР территорий – Западной Украины, Западной Белоруссии, Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии. Особенно сложной была интеграция прибалтов, поскольку их национальные армии включались в состав РККА фактически целиком в виде территориальных корпусов. Срочно создаваемый для них партийно-политический аппарат, по понятным причинам, в основном состоял из русскоязычных работников.

Для укомплектования территориальных корпусов политсоставом, знающим эстонский, латышский и литовский языки, в Прибалтийском округе были созданы курсы по подготовке младших политруков. В январе 1941 г. был проведен набор из числа местных коммунистов и комсомольцев, выпуск которого планировался на июль. Большинство курсантов прежде не служили в армии, и слишком высоких результатов от них не ожидалось¹. Между тем летом 1938 г. в порядке выполнения приказа НКО от 24 июня 1938 г. № 200/ш из РККА было уволено 863 политработника «иностранных» национальностей, в том числе латышей, литовцев и эстонцев². Многие из них впоследствии были репрессированы. Таким образом, партийно-политическая работа в прибалтийских территориальных корпусах накануне войны лишь разворачивалась и серьезным препятствием на ее пути был языковой барьер. Между тем именно в этих частях требовалась усиленная политическая работа, поскольку их политико-моральное состояние характеризовалось как низкое, а отношение личного состава к советской власти нередко оценивалось как враждебное³.

Выводы

Сложная и закоренелая языковая проблема в Красной армии не могла быть решена в короткие сроки. Поскольку ее масштабы для мобилизации армии были выявлены лишь в последние предвоенные годы, то времени на ее решение не хватило. Недостаточное внимание, которое уделялось русскому языку и ликвидации безграмотности и малограмотности красноармейского состава,

---

¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

² Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 52–53.

обернулось негативными последствиями в годы Великой Отечественной войны, когда в армию по мобилизации хлынули сотни тысяч военнообязанных из союзных и автономных республик, не владевших или слабо владевших русским языком. Военские части, укомплектованные таким личным составом, были хуже управляемы, менее устойчивы в бою и несли большие потери. В дальнейшем потребовались экстренные меры для решения языковой проблемы, в том числе сложная перестройка формировавшихся в национальных регионах воинских частей по мононациональному принципу.

© Безугольный А.Ю., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 18. Д. 54; Ф. 9. Оп. 26. Д. 394, Д. 237; Оп. 28. Д. 610; Ф. 54. Оп. 3. Д. 41; Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 997.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР: 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- [2] *Суни Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.
- [3] *Бранденбергер Д.Л.* «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах: 1941–1945 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 336–365.
- [4] *Баберовски Й.* Враг есть везде: сталинизм на Кавказе. М., 2010.
- [5] *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 3. С. 111–118.
- [6] *Якубова Л.Д.* Национальные районы: опыт осуществления политики коренизации в СССР // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 76–85.
- [7] *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 310–335.
- [8] ЦК ВКП(б) и национальный вопрос (Документы советской истории). Кн. 2: 1933–1945 / Сост. Л.С. Гагагова [и др.]. М.: РОССПЭН, 2009.

- [9] Партийно-политическая работа в Красной Армии: док: Июль 1929 – май 1941 / Составители Т. Ф. Каряева и др. М.: Воениздат, 1985.
- [10] Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. Документы и материалы / Составители: Нонна Тархова, К. Абрамян, В. Арцыбашев, М. Астахова, В. Виноградов, Т. Голышкина, А. Князьков, Л. Роговая, Д. Узенков. М.: РОССПЭН, 2008.
- [11] *Кульчицкий С.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 6–16.

История статьи:

Поступила в редакцию: 14 января 2017 г.

Принята к печати: 22 июля 2017 г.

Для цитирования:

Безугольный А.Ю. Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е – 1941 гг.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. Т. 16. № 3. С. 364–377. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377.

Информация об авторе:

Безугольный Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Москва, РФ.

**PROBLEM OF LANGUAGE ADAPTATION
OF THE RED ARMY SOLDIERS OF NON-RUSSIAN NATIONALITIES
IN THE 1920–1930-s**

Alexey Yu. Bezugolny

Research Institute of Military History of
Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia
14 Universitetsky Ave., Moscow, 119330, Russia
besu111@yandex.ru

Under combat conditions, it is mutual understanding between a commander and a soldier by means of a simple language communication which becomes the cornerstone. The absence or lack of such communication may lead to excessive losses and hinder the execution of combat missions.

The author for the first time addresses the problem of mass conscription of soldiers from the Union and Autonomous republics of the USSR, who understood the spoken Russian speech very little or didn't understand it at all. The author aims to find out the degree of efficiency of solving the problem of the Russian language in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA), undertaken by the Soviet leadership in the prewar years.

The author has found that in order to overcome this problem, there were taken actions in two directions. On the one hand, there was training of youth of pre-military age due to the introduction in 1938 of the mandatory teaching of the Russian language in national schools. On the other hand, there was training of recruits due to the introduction in 1939 of a three-month course for the soldiers of non-Russian nationalities. The work in these two directions failed to give the desired result in a short time due to the lack of teachers, unified curricula, textbooks and books in dozens of languages of the USSR peoples.

The author comes to the conclusion that the emergency measures taken by the government and the military command in the prewar years proved to be ineffective due to the complexity and large scale of the problem. In turn, the unresolved language issue lowered the level of combat readiness of the RKKA in the war.

Key words: national formations, indigenization, teaching the Russian language, Political Administration of the Red Army, I.V. Stalin

REFERENCES

- [1] Martin T. *Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR: 1923–1939* [Empire “positive activities”. Nations and nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]. Moskow: ROSSPEN; 2011 (in Russian).
- [2] Suni RG. Sovetskoe i nacional'noe: edinstvo protivorechij [Soviet and national unity of contradictions]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet and national unity of contradictions [Soviet nations and national policies in the 1920–1950-s: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 17–40 (in Russian).
- [3] Brandenberger DL. «Vydvinut' na pervyj plan motiv russkogo nacionalizma»: Spory v stalinskih ideologicheskikh krugah: 1941–1945 gg. [“To highlight the motive of Russian nationalism”: the Controversy in the Stalinist ideological establishment, 1941–1945]. *Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and nation-building in the age of Lenin and Stalin]. Moskow: ROSSPEN, 2011; pp. 336–365 (in Russian).
- [4] Baberovski J. *Vrag est' vezde: Stalinizm na Kavkaze* [The enemy is everywhere: Stalinism in the Caucasus]. Moskow: ROSSPEN, 2010; pp. 309–310 (in Russian).
- [5] Kajkova OK. Politika «korenizacii» v sel'sovetah nacional'nyh rajonov RSFSR (vtoraja polovina 1920-h – seredina 1930-h gg.) [The policy of “indigenization” in the councils of the national regions of the Russian Federation (second half of 1920s – mid 1930s)]. *RUDN Journal of Russian History*. 2007 (3): 111–118 (in Russian).
- [6] Jakubova LD. Nacional'nye rajony: opyt osushhestvlenija politiki korenizacii v USSR [National areas: the experience of implementing the policy of indigenization in the USSR]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet and national unity of contradictions [Soviet nations and national policies in the 1920–1950-s: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 17–40 (in Russian).

- dunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nation and national policies in the 1920–1950-ies: proceedings of the VI Intern. scientific. Conf. Kyiv, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 76–85 (in Russian).
- [7] Blitstejn PJe. Nacional'noe stroitel'stvo ili rusifikacija? Objazatel'noe izuchenie russkogo jazyka v sovetskih nerusskih shkolah: 1938–1953 gg. [Nation-building or Russification? Compulsory study of the Russian language in the Soviet non-Russian schools, 1938–1953]. *Gosudarstvo nacij: Imperija i nacional'noe stroitel'stvo v jepohu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and nation-building in the age of Lenin and Stalin]. Moskow: ROSSPEN, 2011; pp. 310–335 (in Russian).
- [8] Gatagova LS., ed. *CK VKP(b) i nacional'nyj vopros. – (Dokumenty sovetskoj istorii)* [The Central Committee of the CPSU (B.) And the national question (Documents of Soviet history). Book. 2: 1933–1945]. Moskow: ROSSPEN, 2009. Book 2.
- [9] Karyaeva TE., ed. *Partijno-politicheskaja rabota v Krasnoj Armii: dok: Ijul' 1929 – maj 1941* [Party political work in the Red Army: dock: July 1929 – May 1941]. Moskow: Voenizdat Publ.; 1985.
- [10] Tarkhova N., Abramyan K., Artsybashev V., Astakhova M., Vinogradov V., Golyshkina T., Knyazkov A., Rogovaya L., Uzenkov D., eds. *Voennyj sovet pri narodnom komissare obo-rony SSSR: 1–4 iyunya 1937 g.: dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR: 1–4 June. 1937: Doc. And materials]. Moskow: ROSSPEN; 2006.
- [11] Kul'chickij S. Status titul'nyh nacij v psevdofederativnoj gosudarstvennoj strukture SSSR na jetape sozdanija sovetskogo stroja (1917–1938 gg.) [The status of titular Nations in pseudophedrine state structure of the USSR on the stage of creation of the Soviet system (1917–1938)]. *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g.* [Soviet nation and national policies in the 1920–1950-ies: proceedings of the VI Intern. scientific. Conferans Kiev, 10–12 October 2013]. Moskow: ROSSPEN, 2014; pp. 6–16 (in Russian).

Article history:

Received: 14 January 2017

Accepted: 22 July 2017

For citations:

Alexey Yu. Bezugolny, Problem of language adaptation of the Red army soldiers of non-russian nationalities in the 1920–1930-s. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (3): 364–377. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-364-377.

About the author:

Alexey Yu. Bezugolny, Candidate of Science (in History), Leading Researcher at Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.